

СЕРГЕЙ ОЧИНЯН

КАЗАКИ И МАНГУСТЫ

СБОРНИК РАССКАЗОВ

Сергей Очинян

**Казачи и мангуcты.
Сборник рассказов**

«Издательские решения»

Очинян С. В.

Казачи и мангусты. Сборник рассказов / С. В. Очинян —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-831610-4

Алексей Иванов О ПРОЗЕ СЕРГЕЯ ОЧИНЯНА Европейцы в тропиках, юмор, шумные и простодушные аборигены, сладкая истома дауншифтинга. Автор весело, изящно и остроумно рассказывает нам о многообразном течении русско-малабарской жизни. Лёгкие новеллы Очиняна не напрягают ничем; при всей умной и тонкой наблюдательности авторского взгляда, новеллы — отдых для души и сердца. Книга Очиняна — индийское отражение русского национального характера и быта.

ISBN 978-5-44-831610-4

© Очинян С. В.
© Издательские решения

Содержание

Алексей Иванов «О прозе Сергея Очиняна»	6
Предисловие	7
Мангусты	8
Где же ты, моя докомо?	8
Тетя и болт	10
Сон, навеянный ватрушкой	15
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Кзаки и мангусты
Сборник рассказов
Сергей Владимирович Очинян

© Сергей Владимирович Очинян, 2016

ISBN 978-5-4483-1610-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Алексей Иванов «О прозе Сергея Очиняна»

Сборник новелл Сергея Очиняна «Кзаки и мангусты» рассказывает о жизни современной русской семьи (ну, учитывая фамилию автора, можно сказать, российской семьи) в Индии, на самом юге, в небольшом городишке в штате Керала, где-то между Болливудом и океаном. Из названия сразу прочитывается апелляция к «Королям и капусте» О. Генри. Оно и верно – многое перекликается. Европейцы в тропиках, юмор, шумные и простодушные аборигены, сладкая истома дауншифтинга – и не важно, добровольный он или вынужденный. Но новеллы Очиняна, в отличие от новелл О. Генри, не авантюры, а медитативны: автор весело, изящно и остроумно рассказывает нам о многообразном течении русско-малабарской жизни, рассказывает с бесконечной любовью и с добрым снисхождением ко всем слабостям, лукавствам и безалаберности райского существования

Лёгкие новеллы Очиняна не напрягают ничем; при всей умной и тонкой наблюдательности авторского взгляда, новеллы – отдых для души и сердца. Помнится, Афанасий Никитин, сходя в «за три моря», обнаружил в Индии не Индию, а овеществлённую русскую сказку. Книга Очиняна – произведение той же сути: индийское отражение русского национального характера и быта.

Предисловие

В любом краю самое интересное – это, конечно же, люди и их образ жизни. Когда приезжаешь в такую яркую и своеобразную страну, как Индия, поначалу смотришь во все глаза на незнакомую реальность, а в голове роятся вопросы: «Кто же это такой?» «Что он такое делает?» «Куда и зачем отправился?»

Если ты обычный турист, то не всегда успеваешь получить ответы и через стандартную пару недель благополучно уезжаешь домой, чтобы рассказывать друзьям, как странно живут эти чудачки.

Если же ты остаешься здесь подольше, то постепенно постигаешь местную жизнь. И уже знаешь, что, к примеру, вот этот ярко раскрашенный мужчина в блестящих юбках и короне – не трансвестит, а актер катакали, и он не бесцельно шатается по улицам, а направляется в Курукумпужу, где будет Пунгала.

А когда проведешь здесь несколько лет, то осознаешь, что по большому счету никакой разницы нет. Здесь, на краю континента рядом с экватором люди такие же и делают то же самое, что и везде: стараются быть счастливыми и помогают в этом другим.

А чтобы у вас не сложилось ощущение, что вы зря прочитали эту страничку, добавлю, что катакали – это национальный танец, Пунгала – праздник риса, а Курукумпужа – поселок в индийском штате Керала.

Мангусты

Где же ты, моя докомо?

Мамины знакомые супруги Валера и Таня вели интересную жизнь, в ходе которой оказались в Саудовской Аравии. Жили там и работали. Работал в основном Валера. Он перепродавал угнанные автомобили. В том числе и те, которые угонял сам. А Таня тем временем вела хозяйство и воспитывала двух детей дошкольного возраста. И еще у них была любовь, которая со временем потеряла градус, но все равно оставалась добрым чувством.

Однажды Таня чистила рыбу дома в Эр-Рияде, когда зазвонил мобильник. На дисплее значилось «муж». Он звонил сказать, что на работе приключился аврал, что Тане нужно срочно сжечь все регистрационные бланки, специальными ножницами разрезать на кусочки фальшивые автомобильные номера и спустить их в унитаз, после чего мчаться с детьми в аэропорт и вылетать первым же рейсом неважно куда. Сам глава семейства будет покидать арабское королевство нелегально, морем, через Баб-эль-Мандебский пролив, чтобы воссоединиться с семьей уже в России.

Но ничего этого он сообщить не смог. Не успел. Потому что Танина серебристая раскладушка выскользнула из рыбных рук и упала в кастрюлю с кипятком. Весточку с инструкциями от мужа жена получила только к вечеру в записке, которую принес сын одного знакомого пакистанца.

Женщина жгла, резала и плакала до самого утра. С первыми лучами солнца поехала в аэропорт, надев на всякий случай паранджу и объяснив удивленным детям, что это такая новая игра. До терминала добралась без проблем, но время было упущено и на пограничном контроле ее уже ждали. Татьяну посадили в зарешеченную коморку и два дня допрашивали на предмет соучастия в автомобильном бизнесе мужа. Угрожали жуткими законами шариата вплоть до забивания камнями и прельщали возможностью чистосердечно все рассказать и, возможно, спокойно уехать. Татьяна хранила верность мужу и молчание одинаково стойко. Дети тем временем содержались в караульном помещении, где сердобольные арабские солдаты кормили их рисом и давали поиграть автоматными патронами.

Поскольку главный подозреваемый ускользнул, а обыск квартиры ничего не дал, полиция вынуждена была Татьяну отпустить. С мужем встретились в Екатеринбурге только через полтора месяца, когда он добрался до России в трюме морской баржи, груженной розовым гранитом.

В этом месте своего рассказа мама прервалась, чтобы проводить взглядом большую желтую бабочку, взлетевшую с красного цветка каркадэ. Мы с женой уважительно молчали, я пытался угадать, к чему мама клонит. Она приехала к нам сюда, в Индию, специально чтобы поздравить с годовщиной свадьбы и вот теперь, сидя за столом, произносила нравоучительный тост.

Бабочка не улетала, все кружила вокруг стола и пауза затягивалась.

– Ты это к чему? – прервал я молчание.

– А к тому, – мама назидательно подняла брови, – что любовь проявляется в мелочах.

Поворот оказался несколько неожиданным, мы с Наташей переглянулись. Я в замешательстве отправил в рот кусочек папайи, которую вообще-то не люблю.

– Вот Таня с Валерой жили хоть и с приключениями, но в согласии, а в итоге развелись.

И как раз из-за мелочи. Из-за телефона.

– Из-за того, который упал в суп?

– Нет. Из-за другого.

Личная жизнь Валеры была непростая, как и его отношения с уголовным кодексом. Иногда Таня находила на его одежде чужой волос, иногда чувствовала посторонний запах. А иногда он и вовсе пропадал на несколько дней. Но всегда возвращался, горячо говорил, что любит, делал подарки, обещал впредь никогда, ну, и так далее. Она как настоящая русская женщина каждый раз верила и прощала. Пока не узнала, под каким именем она значится в его телефоне.

Оказалось – «Петровна».

То есть не котенок, не жена и даже не Танька. Между легкомысленной «Оленькой» и загадочным «Раксором» стояло тяжеловесное как кирпич отчество. Вот этого она ему не простила.

– Так выпьем же за любовь!

Выпили. Помолчали. Я поинтересовался у мамы, под какими именами мы числимся у нее.

– Твой российский номер у меня назван как «Сын». Наташин – «Наташа Жэ». Потому что жена, – пояснила она на всякий случай. – А ваши индийские номера – «Индия-1» и «Индия-2».

Мгновенье подумала и добавила:

– Потому что вы мне одинаково дороги.

– Вот и у меня тоже с цифрами! – жена обрадовано улыбнулась. – Твой российский номер у меня «муж-1», а индийский – «муж-2».

Мама глянула на невестку с интересом, а потом спросила меня, как Наташа записана в моем телефоне.

– У меня все просто, без цифр. В России Наташа называется «Мегафон», а здесь «Докомо», индийский оператор.

Мне попеняли на отсутствие фантазии. В остальном вечер прошел ровно, только меня не покидало ощущение неудовлетворенности собой.

Перед сном взял мобильник. Открыл список контактов. Затер «Мегафон» и «Докомо». В обоих случаях написал «Любимая» и лег в кровать. Полежал. Встал, взял мобильник, исправил на «Любимая (россия)» и «Любимая (индия)». Чтоб не путаться.

Тетя и болт

В открытые окна залетал встречный ветер и остужал разогретый жгучим солнцем автобус. По обеим сторонам дороги плыло зеленое море джунглей с островками белых плюмерий и красных бугенвиллей. Но пейзаж пассажиров не интересовал. Все внимательно слушали Наташу. Она стояла на границе между женской и мужской половинами салона. Одной рукой держалась за свисающий с потолка кожаный ремень, а в другой сжимала обломок пластикового болта. Чтобы быть лучше понятной, Наташа широко им жестикулировала, говорила с пафосом, как героиня «Зиты и Гиты», и время от времени делала паузы, чтобы англоязычные индусы успели перевести речь белой леди соседям на более популярные урду, тамильский и малаялам. Я стоял рядом, держал в руках наши шляпы и солнечные очки и с важным видом кивал, усиленно придавая ее словам большую значимость.

– Мы с мужем живем в Коваламе и очень любим нашу тетю Ларису, которая живет в Москве. Русская тетя подарила нам доску для бодибординга. Потому что мы любим кататься на волнах почти так же сильно, как нашу тетю.

Все переводчики независимо от языковой ориентации ладонями изобразили волну и скользящую по ней доску. Соплеменники одобрительно гудели.

– Но однажды большая волна сломала тетин подарок. Мы стали несчастны. Как нам теперь смотреть в глаза тете? Нам нужно починить доску. А для этого нам нужен вот такой болт.

В процессе общеавтобусного перевода обнаружилось, что слово «болт» в местных языках отсутствует, поэтому применяется английский «зэ болт». Пассажиры внимательно разглядывали сломанную деталь, кивали на местный лад, покачивая головой от плеча к плечу. Это движение отличается от европейского кивка, из-за чего иногда ошибочно воспринимается туристами как отрицание или жест недоверия. Но мы уже знали, что это знак согласия, и Наташа продолжала:

– Ни в нашем Коваламе, ни в соседнем Вижинжеме, ни даже в Баларамапураме таких болтов нет. Поэтому мы едем в столицу штата Тируванантапурам. Это наша последняя возможность починить тетин подарок. Ласт ченс.

Весь автобус оживился, заголосил, особо темпераментные замахали руками. Даже индифферентная мусульманка с соседнего сидения протянула руку и приблизила обломок болта к своей парандже.

При всей внешней эксцентричности, в происходящем была изрядная доля здравого смысла. К поездке в Тируванантапурам мы подготовились на сто процентов. Чтобы легче объясниться с местными умельцами, я изобразил на бумаге болт с широкой шляпкой и резьбой, выписал из словаря необходимые английские слова во главе с «зэ болтом», сфотографировал поврежденную доску во всех ракурсах и, наконец, взял на всякий случай обломок старого болта и положил его в футляр вместе с фотоаппаратом. Оставалось найти в Тируванантапураме место, где нам смогли бы помочь.

Но никакой наводки, никакого адреса у нас как раз и не было, и Наташа сделала сильный ход, обратившись за советом к попутчикам.

Всю оставшуюся часть пути до самого Ист-Форта весь автобус горячо обсуждал на разных неведомых языках проблему тетинного болта. Разным людям она виделась по-разному. Индианки в цветастых сари визгливо перекрикивали друг друга. Мужики в потных рубашках азартно спорили на своей половине. Двое в углу на этой почве даже слегка подрались, и потребовалось вмешательство кондуктора. Равнодушных не осталось.

Что до итогового результата, то он превзошел всяческие ожидания. Нам вручили визитные карточки пяти продуктовых магазинов, трех сувенирных лавок, двух отелей и массажного салона. А также ворох мятых бумажек с рукописными телефонами нескольких таксистов

и рикш, двух портных, двух астрологов, инструктора по йоге, муллы из коваламской мечети и приглашение на свадьбу в будущем мае.

Сбитые с толку, мы вышли на Ист-Форте. Автобус поехал дальше. Наши попутчики улыбались из окон и махали руками. Мы все еще озадаченно смотрели им вслед, когда автобус притормозил, из окна высунулся кондуктор и, перекрывая уличный шум, прокричал:

– Хорошая мастерская есть возле отеля «Ариа Нивас»!

Благодаря этому милому человеку у нас появилась цель. Конечно, это не было адресом в привычном понимании: улица Ананасовая, дом номер два, офис три. Но нам было достаточно. Мы взяли рикшу и отправились на поиски.

Дома здесь не нумеруют, а дают им имена собственные, как в некоторых других странах. Но на этом топонимическое сходство заканчивается. Названия домов редко указываются на фасадах. А названия улиц – вообще никогда. Да их и не было бы видно из-за обильной уличной рекламы. Все фасады, как правило, залеплены пестрыми рекламными щитами всевозможных цветов и размеров, от чего улица напоминает старую штанину с заплатами.

Наша мастерская нашлась примерно в районе коленки: особо травматичное и самое залатанное место на изгибе. Пестрые публичные прямоугольники на английском, малаялам и хинди, на которых удалось разобрать лишь про тату-салон за углом и призыв голосовать за коммунистов в буденовках, покрыли все приземистое строение. Не хватило места даже вывеске самой мастерской.

Относительно прохладное помещение с перегородками и сиденьями для посетителей было явно организовано на европейский лад и потому внушало оптимизм. Немного настораживало, правда, что нигде не было видно болтов. Но с другой стороны, нам эту мастерскую порекомендовал сам кондуктор автобуса!

Источником другого сомнения были две девушки, которые принимали заказы. Рядом с невзрачной конторкой с пыльными журналами учета и огрызками карандашей они казались пришельцами из другой реальности. Одна в ярком розовом сари, другая – в темно-зеленом с серебристыми блестками. У одной руки до локтей покрыты тонкими затейливыми узорами из хны, у другой в ушах большие солнцевидные серьги. И, наконец, у обеих на шоколадных лицах роскошный пирсинг. Замысловатые золотые кольца и цепочки, которые тихо звякнули, когда они девушки повернулись ко мне.

Чтобы поговорить с жар-птицей о слесарных работах, необходимо сделать над собой усилие даже Ивану-дураку.

Про любимую тетю я не стал, начал сразу с бодибординга. На дисплее фотоаппарата показал доску, объяснил, что сломался болт. Пожаловался, что ни в Коваламе, ни в Вижинжеме, ни в Баларамапураме не мог найти подходящий.

Мне улыбались и поощрительно звенели золотом.

Я приободрился, тоже улыбнулся и достал обломок болта. Мне нужен такой же, только целый. Если у вас есть готовая деталь я ее с радостью куплю, если нет, то не могли бы вы ее изготовить, плиз?

Перезвон не смолкал. Улыбки стали еще шире, когда я выложил на стол чертеж. Вот это – зэ болт в сечении. Здесь написаны необходимые размеры: длина и диаметр. . .

– Экскюз ми – прервала арию заморского гостя Наташка, разобравшись в ситуации быстрее меня, – Нам нужен инженер. Позовите, пожалуйста, инженера.

Слесарные дивы не двинулись с места. Выражение их лиц тоже не изменилось, только теперь они были обращены к белой леди.

– Колл инженер, плиз! – Наташа прибавила громкость. – Мэн! Хазбэнд!

Девушки повернулись друг к другу, вполголоса посоветовались, время от времени озорно постреливая в нашу сторону глазами. Та, что с серьгами, величаво удалилась в глубину помещения. Другая осталась скрасить наш досуг.

– Вот черт! Я с ними как с людьми, а они ни в зуб ногой!

– Зато ты потренировался рассказывать про болт. Только про тетю забыл.

– Сейчас дядю приведут – сама будешь ему про тетю. – чувство юмора куда-то делось и я ворчал, уперев взгляд в узоры на руках индианки. – И главное – я тут распинаясь, а у них рот до ушей! Прервали бы, раз не понимают ни бельмеса!

– Не перебивали из вежливости. А улыбались, чтобы тебе приятнее было...

Пришедший следом за зеленым сари индус выглядел классическим слесарем. Он был в потертых штанах, потной рубашке, небрит и угрюм. Едва кивнув нам, он тяжело оперся испачканными маслом руками о стол и свесил голову на грудь. Не меняя позы, выслушал про бодибординг и сломанный болт, заменить который не удалось ни в Коваламе, ни в Вижинжеме, ни в Баларамаपुरаме. Флегматично глянул на сфотографированную доску. Когда белая леди заговорила о диаметре шляпки, безуспешно привлекая внимание мастера к чертежу, у меня мелькнула мысль, что он тоже не понимает по-английски.

– Он не понимает по-английски, – раздалось сзади.

От входной двери шел затянутый в джинсу и кожу модный индус с черным мотоциклетным шлемом в руках. Поставив головной убор на стол, он обменялся рукопожатием со слесарем, кивнул девушкам.

– Они тоже не понимают. Расскажите мне, а я буду переводить.

Ничего не оставалось, как выругаться про себя, а вслух возобновить рассказ про тетю и болт. Я начал сквозь стиснутые зубы, но где-то между Баларамаपुरамом и чертежом пошло легче, будто открылось второе дыхание. Мой незатейливый панджаби-инглиш звучал все бойчее, мотоциклист жизнерадостно его ретранслировал в гортанную трескотню своего малайлам. Вы не знаете, как звучит малайлам? Скажите вслух несколько раз скороговоркой: «дрын-дыг-дрын-дыг-дрын-дыг». Еще быстрее. Теперь вы знаете, как звучит малайлам.

Нашему тандему не пришлось излагать историю до конца. Слесарь все понял раньше и через того же переводчика сообщил, что у них нет таких деталей и они не смогут ее изготовить, потому что нет нужного оборудования. Может, вам нужен красивый кубок? Недалеко есть еще одна мастерская. Там обслуживают даже полицейских и наверняка смогут помочь.

Мы простились, безуспешно пряча разочарование. Индусы светились благожелательностью и провожали нас улыбками и золотым перезвоном.

Из тенистого дворика мастерской мы опять попали в объятия зноя, поднявшейся пыли и городского шума. Невзирая на трудности, бодро двинулись по тротуару, который представлял собой ухабистую грунтовку с торчащими там и сям камнями, арматурой и кусками асфальта. Чтобы не упасть, все внимание уделяли выбоинам, щелям, булыжникам и предательским банановым шкуркам.

Через несколько минут ходьбы выяснилось, что это был комфортный участок пути. Дальше улица сузилась, количество транспорта резко возросло, а тротуаров не стало вовсе. Пешеходам приходилось жаться к краям дороги, деля с ворчащими машинами последние пяди. Стараясь приноровиться к новым условиям, мы щемились между бортами автобусов и заборами, задевали локтями зеркала автомобилей, цеплялись за сари встречных женщин. Потрепанные автобусы и ярко раскрашенные грузовики мешали друг другу и еле ползли. Между ними продирались рикши и легковушки. Оставшиеся свободные пятячки мгновенно заполняли пронирыливые мотоциклы. Еще через пару минут нашей борьбы с пространством один мотоциклист проехал так близко, что зацепил рукояткой руля мою рубашку, из-за чего «с мясом» оторвалась пуговица.

Стало очевидно, что на дороге образовалась пробка. Транспорт замер под урчание холостых оборотов. Пешеходы спешно покидали загазованный участок.

К счастью, мы уже сворачивали в проулок, в котором находился пункт нашего назначения.

Он представлял собой низенькую бетонную коробку, затерявшуюся среди себе подобных. Все вместе эти сероватые конструкции напоминали два ряда покосившихся гаражных боксов с зияющими оконными проемами, которые зажали узкую кривую улочку. Над одной из амбразур и в самом деле висела табличка «Для полицейских». Что тут ремонтировали копы – погоны или пистолеты – так осталось загадкой. Скучающий внутри лачужки замызганного вида работник задумчиво перебирал рассыпанные на кургузом столике свои болтики-гаечки. Он откровенно обрадовался замаячившей в окне белой леди и всячески демонстрировал как готовность помочь, так и знание английского.

Мы стояли на солнцепеке, но заходить в грязную каморку не хотелось, да и не могло: стол с индусом занимали практически все пространство.

– Давай короче – напутствовал я леди, обмахивая то себя, то ее шляпой и пытаюсь движениями лопаток остановить щекочущие капли пота, – а то я скоро умру.

Но короче не получилось. Для начала индусу потребовалось с нами познакомиться и узнать из какой мы страны. В дальнейшем наш новоявленный друг Суреш ежеминутно перебивал Наташу многочисленными уточняющими вопросами, и порой было непонятно, какое отношение они имеют к делу.

Где сделали доску и из какого материала, где ее купили и по какой цене, какого она цвета и сколько стоит арендовать такую на пляже Ковалама. Чертеж ему понравился настолько, что он поинтересовался именем моего учителя рисования. Обломок болта пробовал на зуб. Слайды с изображениями досок на фотокамере прогнал взад-вперед несколько раз, «случайно» перескакивая на пляжные фотографии и мечтательно замирая над изображениями купальщиц. Хорошо еще, что рассказ был усеченным и не содержал пассажа про тетю, а то он запросто потребовал бы и ее фотографию тоже.

Нешуточным волевым усилием Наташа подводила шарахающуюся из стороны в сторону беседу к финишной прямой. Я продолжал работать опухшим, борясь с желанием дать индусу оплеуху. Время от времени мы прерывали разговор, чтобы по примеру других прохожих прижаться к горячей стене и пропустить протискивающийся вдоль улочки автомобиль.

Когда индус, наконец, перестал развлекаться и признался, что занимается лишь мелким ремонтом, что ни продать, ни изготовить болт не сможет, но знает одну хорошую мастерскую неподалеку, то... бить его уже не хотелось. То ли я перегрелся, то ли меня доканали последние известия, но чувство реальности происходящего неожиданно улетучилось вместе с агрессией. Навалилась тоскливая обреченность. Я понял, что мы попали в заколдованный круг и вырваться из него не сможем никогда. Все иностранцы гибнут под Смоленском.

Беглого осмотра Наташе хватило, чтобы оценить мое состояние как стабильно-никчемное. Дала попить воды из неизменной бутылки, сказала, чтоб надел шляпу и спросила у Суреша короткую дорогу к Ист-Форту.

Я хотел было сказать ей, что нам еще рано к Ист-Форту, ведь мы не купили болт. Но самочувствие не позволяло внятно излагать мысли. Оставалось только плестись за белой леди и костерить себя за идею этой поездки.

Короткая дорога пролежала через небольшой пальмовый скверик. Жиденькая, но все же тень, клочковатая и местами замусоренная, но все же травка. Подобие пролады и отсутствие громкого транспорта сулили несколько минут относительного комфорта. Но насладиться передышкой в борьбе с окружающей действительностью нам было не суждено.

По скверу пришлось нестись бегом, спасаясь от неожиданно выскочившей толпы галдящих детей, которые били в барабаны, визжали свистульками, хватали нас за одежду и пронзительными голосами кричали «Хело!» и «Фото!». Их родители добродушно улыбались, сидя под пальмами и не мешали молодняку развлекаться.

Это паломники. Они приехали в Тируванантапурам всем колхозом из какого-то медвежьего угла для участия в праздничной церемонии в столичном храме. В ожидании торжества

живут не в отеле, а, как принято у бедноты, на свежем воздухе в сквере. Младшее поколение табора никогда не видело белых людей. И теперь искренне радуется чуду: одни похватили ритуальные музыкальные инструменты и от избытка чувств издают чудовищные звуки, другие стремятся оторвать клюк европейской одежды «на счастье» или хотя бы сфотографироваться.

За пределами парка индусята нас не преследовали. Мы вышли на широкую пыльную улицу, полную гудящего транспорта, и... сразу увидели магазин, торгующий болтами. Он оказался между пошивочной мастерской и лавкой с презервативами. Стены, обращенной к проезжей части, не было. Ее заменяла торговая стойка под вывеской «Болт шоп». Дальнейшее произошло быстро и на удивление безболезненно. Мы затесались в шумную группу покупателей и переминались у прилавка в ожидании удобного момента, чтобы исполнить сагу про доску. Наташа держала наготове фотоаппарат, я тискал половинку болта и чертеж. Оба продавца галдели вместе с клиентами, замолкая только чтобы сосчитать деньги.

Вдруг один из них шагнул в нашу сторону, глянул на мой реквизит, ни слова не говоря забрал обломок, и уже через несколько секунд передо мной стояла коробка с болтами нужного диаметра. Я купил два за пять рупий. Это примерно три рубля. Для мечты совсем не дорого.

Вот так неожиданно легко был куплен болт. Можно было бы даже сказать – мгновенно, если забыть о предшествующих событиях. И о последующих, кстати, тоже. Потому что болт оказался длиннее, чем нужно. И пришлось искать мастерскую, чтобы отрезать лишнее. Нашли неподалеку, прямо в Коваламе. Но опоздали, потому что начались парламентские выборы, и три дня никто не работал. А потом наступил местный Новый год Вишукани и праздничные каникулы. Так что починить доску удалось только через пару недель.

А потом к нам в гости приехала тетя Лариса.

Сон, навеянный ватрушкой

Более бесполезной псины, чем наша Чайка, я не встречал. В светлое время суток она спит на крыше, а на ночь отправляется в турне по окрестным помойкам. Вот и сегодня утром ее не было, когда во двор пришла совершенно незнакомая бродячая сука, стащила на землю наше пляжное полотенце и устроилась на нем вздремнуть.

Мы относимся к разряду людей, которые никогда не дерутся с собаками до завтрака, поэтому сели поесть. Чайка появилась как всегда к концу утренней трапезы. В этом смысле ее пунктуальность безупречна. Когда она поднялась на крыльцо, то испугалась злобного рычания гостыи и спряталась за Наташу. Пришлось мне впрягаться и выволакивать чужую собаку за ворота. Это потребовало напряжения сил, потому что пахучее животное упиралось, с воем убегало вглубь двора, там падало на спину и задирало лапы. Помимо Чайки, за поединком с интересом наблюдали соседи со второго этажа. Супруги Беркли вместе со своим лондонским другом Ричардом, наплевав на этикет и возраст, азартно размахивали руками и кричали с балкона «Ю гот ит!», «Ай прауд ю!» и прочие ахинейские бодрилки.

Тем временем Наташе позвонил Асад. Сказал, что на тируванантапурамской киностудии нужны белые мужчины для массовки. Двух он уже нашел, к утру нужны еще четверо. Тысяча рупий за съемочный день каждому.

20 долларов – большие деньги, особенно когда их нет. А мы второй месяц сидим без зарплаты.

Я отправился на пляж искать Рому, Вадима и кого-нибудь четвертого. Проходя по территории соседнего отеля, задержался по двадцати причинам. Два десятка молодых европейских женщин в отдельных и очень маленьких купальниках паслись на зеленой лужайке в палисандровой тени у кромки голубого бассейна. Обнаженные участки изгибистых тел были причудливо разрисованы пестрыми цветочками, бабочками и орнаментами. Няяды блестяли глазами, о чем-то переговаривались, серебристо смеялись и делали вид, что не замечают индусов, которые торопливо фотографировались на их фоне. Я любовался картиной и думал, что этой стайке больше подошла бы фраза «раздеты до купальников», чем «одеты в купальники», но дальнейшему развитию мысли помешал звонок мобильного. Вадим напомнил, что меня ждут на пляже. Какая бестактность...

Рома согласился сниматься, потому что ему нужны деньги. Вадим согласился, потому что ему скучно. Пока я делал заплыв в океан, они нашли четвертого – Сашу из Волгограда.

А я тем временем в воде повстречал Валу. Оказалось, что она знает этих сумасшедших туристов у бассейна. И даже более – читает им лекции. Они русские. У них комплексный тур-курс «Как почувствовать себя красивой и влюбить в себя мужчину». Я с надеждой спросил, не нужен ли им тренажер. Сначала Валя от смеха ушла под воду. Но когда просмеялась и всплыла, то сказала, что это может быть интересным, ибо «гендерная интрига обеспечит тренингу мотивационный посыл» и велела прийти завтра к девяти к бассейну.

Всю обратную дорогу улыбался индусам, собакам и даже пальмам. В голове роились бесчисленные сценарии завтрашних мотиваций в самых сладостных сочетаниях. Но подойдя к дому, осознал, что варианта на самом деле всего два. Или индийское кино за деньги, или двадцать бесплатных прелестниц. Присел на оставшееся от собаки полотенце и закурился.

Призрак славы в свете софитов видится только дилетантам. Битые волки индийской массовки знают, почему фунт лиха. Помнится, был фильм о спорте. Наличие бледнолицых болельщиков в темнокожей толпе, беснующейся вокруг ринга, должно было обозначить высокий статус соревнований. Воплощая замысел режиссера, мы безвылазно провели в душном ангаре весь день. С девяти утра до часу ночи драли глотки, прыгали по трибунам, хлопали, свистели и обильно потели вместе с тремя сотнями индийских бандерлогов.

В прошлом сезоне снимали эпизод гангстерской саги. Мы убегали от малайзийских боевиков из комнаты по коридору на улицу. А там 32 градуса. Дубль! Из комнаты по коридору на улицу. А мы в шерстяных пиджаках. Дубль! Из комнаты по коридору на улицу. После 28-го дубля мой 60-летний напарник, турист из Мюнхена, отжал мокрый от пота галстук и поклялся никогда больше не ходить в кино, если вернется живым. Вы когда-нибудь слышали честную клятву на могучем немецком языке? Мороз по коже сквозь любую жару. Короче, кино и немцы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.